

Человек и познание

БЫТЬ. ОПЫТ ЭКЗИСТИРУЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

С.В. ЕФИМОВА

Вечный гамлетовский вопрос «быть или не быть?» в XX и особенно в XXI столетии стоит как проблема «иметь или быть». Проблема, безусловно, не нова¹, однако возвращение к ней в условиях нынешней реальности связано с быстроменяющимися состояниями, в которых при жизни одного поколения кардинально изменяется мир, а в погоне за достижениями и успехом человечество испытывает все больше разочарований. Глобализация, провозглашавшаяся как благо человечества, приводит к унификации и стандартизации, все больше обостряя проблему идентичности, и вновь человек остается за пределами подлинного бытия, в котором «иметь» важнее, чем «быть». Такое состояние разбалансированности, при которой невозможно одновременно удовлетворить телесность и духовность, становится все более очевидным, что на современном уровне развития освоения реальности приводит к активному восхождению дескриптивных технологий, чтобы в отчаянной попытке придать природным формам форму рациональную, упорядочить силы природных стихий, подчинить их целеполаганиям человеческого существования, делая связь телесного Я с телесной структурой мироздания природосоразмерными. С помощью дескриптивных технологий возможно интегрировать естественные процессы в многомерность человеческого бытия. Прескриптивные технологии обеспечивают частичного человека как зависимого от социальных состояний, форм и т.п., что способствует рождению представлений об иррациональном эффекте человеческой практики, когда при постановке рациональных задач человек порой получает прямо противоположный результат, данная практика формирует представление об иррациональности мира. «Ясно, что иррациональный компонент практики не есть просто социальное качество, ибо он фактически воплощает тождество двух разных начал — первоприродного и социального. Этот компонент сверхприроден и сверхсоциален, он представляет собой орнамент возникающей второй природы — в данном случае это овеществленный искаженный продукт человеческого знания и действия. Нередко он начинает выполнять функцию порабощения человека, как бы проявляя свою собственную, направленную

против человеческих целей упрямую «волю». Именно обобщением подобных сопровождающих всю историю трудовой деятельности человека случаев является библейское изречение «Благими намерениями человека вымощена дорога в ад»².

Попытка изменить происходящее, особенно в контексте поисков проблем, связанных с ментальными основаниями, приводят российского человека к необходимости обратиться к такой схеме, логика которой и позволит понять, а возможно, и преодолеть указанные проблемы.

В России периодически за последнюю четверть века наблюдается религиозный ренессанс, возврат к историческим духовным традициям, в которых пути развития человека определялись действиями Бога, но, с другой стороны, Россия втягивается во всемирный исторический процесс, в котором господствующее положение занимают экономические связи, а развитие человека жестко предопределено материальным производством, уровнем развития экономики. Как следствие – в исследованиях о путях развития человека господствуют идея Бога или идея Экономики. Но в таком случае человек неизбежно становится средством, а не целью истории, что явно противоречит теоретическим установкам и повседневному чаяниям людей, для которых всегда актуальным остается несколько избитый лозунг «Все для человека, все для блага человечества». В условиях наметившейся перед российской цивилизацией перспективы господства над человеком Бога или Экономики последняя выступает в виде четко заданных технологий, вследствие чего необычайную актуальность приобретает поиск иных оснований истории, а именно – антропологических³. Что объективно совпадает и с процессами трансформации, в которых дескриптивные технологии преобладают над прескриптивными⁴.

Поиск наиболее общих путей и конечных целей развития человечества всегда выливается в создание философско-исторических концепций. Одной из них является историософская концепция, которая имплицитно содержится в библейских текстах и эксплицируется в различных теологических и атеистических трактатах, опирающихся на эти тексты. Согласно традиционному христианскому взгляду на развитие человечества, ось всемирной истории связана с действиями библейского Бога, который формирует человека. Субъектом религиозной истории всегда выступает Бог, а человек являет собой объект исторического процесса. Даже если мы Бога заменим Объективной идеей, или Абсолютом, или Объективными законами духовной жизни, то от этого человек не трансформируется в цель и субъект истории. Библейская история – это не диалектика взаимоотношений Бога с человеком, а онтологический монолог Бога. История библейской реально-

сти — это движение истории ко второму пришествию Христа. При вмешательстве космических сил в человеческую историю происходят космические катастрофы, которые затмевают катастрофы антропные.

Антропологический подход к истории человечества носит принципиально иной характер. Антропологический подход к истории исходит из идеи формирования человеческой активностью двух исторических тенденций — витальной и танатальной. Витальная тенденция представляет собой путь саморазвития человеческой жизни вплоть до реального бессмертия человека и распространения разумной жизни в пределах окружающего человека космоса. Танатальная тенденция — это путь самоистребления человеческой жизни. Человек сам творит свою историю, создавая две исторические тенденции. Вследствие чего сама история представляет собой развитие этих двух тенденций. Весь путь развития человечества можно представить состоящим из трех этапов — предыстории, истории и пост-истории. В библейской реальности предыстория представлена жизнью первых людей в раю, в котором отсутствовала танатальная тенденция. Собственно история начинается с изгнания первых людей из рая и их земной жизни. Пост-история начинается с победы витальной тенденции и представлена в Библии вторым пришествием Иисуса Христа на землю. Таким образом, именно в Библии наиболее ярко обнаруживаются антропологические основания истории.

В библейских текстах прослеживается своеобразная эволюция антропологических оснований, что позволило довольно четко структурировать библейскую историю по трем эпохам, назвав их по медиумам, посредством которых Бог общается с людьми.

Во-первых, это эпоха патриархов или праотцов еврейского народа. Начало этой эпохи связано с объединением еврейских племен и движением их на обетованную, обещанную Богом Хананскую землю. Заканчивается эта эпоха историческим событием — союзные еврейские племена подошли к обетованной земле.

Во-вторых, это эпоха пророков — руководителей и идейных вождей объединенных еврейских племен во время их жизнедеятельности на обещанной Богом земле. Начало этой эпохи знаменуется завоеванием столь долгожданной территории. Заканчивается эпоха распадом еврейского союза и гибелью единой еврейской народности.

В-третьих, это эпоха апостолов, учеников Иисуса Христа. В содержательном плане эта эпоха характеризуется объединением различных народов на основе новой религии (христианства) путем строительства единой, вселенской церкви. Начало этой эпохи положило событие призвания Иисусом Христом двенадцати апо-

столов и их деятельность по созданию вселенской церкви. Конец эпохи апостолов может быть представлен началом противопоставления двух христианских церквей и двух культур — западной и восточной.

Описываемые эпохи сменяют друг друга, что указывает на то, что история в Библии представлена в эволюционном изменении и между эпохами устанавливаются преемственные связи. В содержательном плане эпоха патриархов и пророков подготавливает почву новой эпохи — апостолов.

Специфика эволюции религиозно-антропологических оснований вызвана изменением человека, его взрослением, трансформацией его активности, вследствие чего Бог вынужден менять свои отношения с людьми. Иначе говоря, мы исходим из того, что человек сам творит историю. В эпоху патриархов Бог выступает Господином, а человек — его рабом. В дальнейшем в эпоху пророков Бог делегирует человеку функцию судейства. В эпоху апостолов люди-посредники становятся друзьями Бога, а сам Он принимает образ и подобие человека. В свою очередь, человек стремится воплотить образ и стать подобием Бога в своей жизни и творческой активности. Бог, делегируя часть своих полномочий посредникам, тем самым передает свои функции источника жизни человеку. И как следствие — в историческом процессе витальная тенденция начинает доминировать. Человек, как и Бог, становится субъектом истории.

В соответствии с данными процессами происходит эволюция философско-антропологических оснований библейской истории, специфика которых связывается с изменением стратегий спасения. В эпоху патриархов стратегия спасения жестко связывалась с выработкой у человека знаний греха и добродетельной жизни, с осознанием человеком опасности для его жизни танатального пути, который в библейских текстах получает название греховного пути. Такая стратегия названа нами когнитарной. В эпоху пророков доминирует другая стратегия, которую мы назвали стратегией экзистенциальности. В эпоху пророков рождается человек, чувствующий опасность танатального (греховного) пути и, наконец, в эпоху апостолов доминирует стратегия трансцендентальности.

Если в эпоху патриархов Бог опирается на когнитарность, т.е. основное спасение Он усматривает в знаниях человеком добра и зла, то в эпоху пророков предметная область спасения связывается Им с чувственной сферой человеческой психики. Это была достаточно резкая смена философских установок, что приводит к заключению нового завета с людьми. Эти новые установки, направленные на выработку осознания и чувство зла, чув-

ствование неподлинности, неистинности жизни, можно назвать стратегией экзистенциальности.

Быть и существовать — эти понятия в романской языковой ментальности дихотомичны и противоположны. Быть (*esse*) означает обладать сущностью, опираться на крепкий, прочный фундамент, а существовать — означает быть вовне, не иметь сущности, жить в отрыве от нее.

В русском языке сущность и существование являются одно-коренными словами, в силу чего в русской ментальности эти слова не противопоставляются друг другу, как это принято в западноевропейской культурной традиции. В русской ментальности существование всегда связано с сущностью, которая является или *про-является* в существовании. Что же касается западноевропейской культурной и языковой традиции, то здесь закрепилось представление о том, что существование может быть оторвано от сущности, и это нашло отражение в понятии «экзистенция». Отсюда первоначально экзистенцию можно определить как существование без сущности, без основы.

По мнению экзистенциалистов в жизни существование предшествует сущности, в то время как в технике, наоборот, сущность предшествует существованию. «Возьмем предмет, изготовленный человеческими руками, например, книгу или нож для разрезания бумаги. Этот предмет, с одной стороны, производится определенным образом и, с другой стороны, приносит определенную пользу... Мы можем сказать, что у ножа сущность, то есть сумма приемов и качеств, которые позволяют его изготовить и определить, предшествует существованию»⁵. Что же касается человека, то он «сначала существует, оказывается, появляется в мире, и только потом он определяется. ...Он станет человеком лишь позже и станет таким человеком, каким он сам себя сделает»⁶. Здесь важно подчеркнуть несовпадение сущности и существования.

На сущностном уровне любая человеческая жизнь характеризуется неповторимостью, уникальностью. Каждый человек старается прожить свою жизнь именно как свою собственную. Такого рода жизнь называется подлинной. Подлинная жизнь — это жизнь настоящая, истинная, индивидуально неповторимая, не являющаяся копией жизни других. Но такого рода жизнь — вотчина сущности, а мы ведем речь о существовании, об экзистенции, а не об эссенции.

Иначе говоря, экзистенция — это неподлинное, ненастоящее существование человека. Поэтому при таком уточнении становится понятно, что человек стремится выйти за его пределы. Только тот, кто живет ненастоящей, неподлинной жизнью и **осознавший** это, будет стремиться, хотя бы в мечте, выйти

за ее границы. Иначе говоря, субъект, который находится в экзистенции, начинает экзистировать. Причина экзистирования — осознание неподлинности своего существования. При этом нельзя сказать, что экзистирование является атрибутом человеческой активности. В тех случаях, когда человек живет подлинной, настоящей жизнью, у него отпадает необходимость в экзистировании. В подлинном бытии экзистирование лишается смысла. Таким образом, экзистенцию можно определить как неподлинное, ложное бытие, за пределы которого человек пытается вырваться.

Первым этапом в изложении экзистенциальности человеческого бытия должно стать описание неподлинного бытия, т.е. самой экзистенции. Неподлинное бытие — это бытие, навязанное человеку извне, это бытие не свое, чужое и чуждое человеческой индивидуальности. В неподлинном бытии все люди похожи друг на друга, мир стандартизирован — все думают об одном и том же, едят одно и то же. В неподлинном бытии господствует Великая и Тотальная Анонимность, Без-личность. Мы слышим: «в этом году принято носить...», но кто всё это носит, неизвестно, нет субъекта, нет личности. Многие принимают эту жизнь, не хотят быть индивидуальностью, хотят быть как все. Типичное заявление: «Мне надоело так жить, я хочу жить как все».

Для обозначения тотальной безличности М.Хайдеггер использует термин «Das Man», обозначающий тотальную безличность как субъект. Конечно, Das Man на русский язык никак не переводится, но у русского человека особый склад ума и особая ментальность, он стремится перевести, казалось бы, совсем уж непере译имые слова, находя для них соответствующие аналогии в родном языке. В этом случае Das Man в переводе на русский означает «Все» или «Некто». Человек, который становится как все, ведет себя подобно множеству других, теряет свою индивидуальность и неповторимость.

Итак, первая характерная особенность неподлинного бытия заключается в его безличности, анонимности, в отсутствии индивидуальности. Для выражения этой особенности неподлинного бытия используются термины «Das Man», «Все», «Некто».

В условиях неподлинной жизни существование человека становится идентичным поведению других, и вместе с элиминацией индивидуальных особенностей поведения, исчезает индивидуальная ответственность. Человек в условиях неподлинного бытия перекладывает свою ответственность на плечи других. И такого рода действия вполне логичны, ведь человек действует не сам, а как все, вот пусть все и отвечают. Перекладывание своей ответственности на других явилось одной из причин грехопадения.

Второй особенностью неподлинного бытия выступает явление перекладывания своей ответственности на другого, на безликое «Все».

Итак, неподлинная жизнь нашла отражение в понятии «экзистенция», при этом неподлинная жизнь характеризуется анонимностью, элиминированием индивидуальности, перекладыванием ответственности с себя на безликого субъекта и, наконец, абсурдностью. Поэтому человек, находящийся в условиях абсурдного бытия, т.е. в экзистенции, стремится выйти за его пределы, т.е. человек начинает экзистировать.

Первый вид экзистирования — это жизнь с мечтой о подлинном, собственном существовании. Однако такого рода экзистирование не способно вывести человека за границы неподлинности. Разумеется, мечта способствует выживанию человека в условиях неподлинности, но не более того, мечтая о собственном неповторимом существовании, человек по-прежнему остается в границах Тотальной Неподлинности.

Абсурдное, неподлинное бытие полностью охватывает человека, и вырваться из него не представляется возможным. Тогда возникает мысль о самоубийстве. А. Камю делает вывод, что «есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства»⁷. Быть или не быть? — вот один из основных вопросов человека неподлинного существования.

Другой вид экзистирования — бунт, направленный против неподлинного существования, в процессе которого рушится бытие или его ценностные основания. Бунт возникает спонтанно, часто неосознанно, ибо экзистирование — это сфера чувств. Даже сознание того, что результатом бунта будет крушение прежней жизни, карьеры, не может остановить человека, который готов с криком: «Да пропади все пропадом!» порвать с прежней жизнью. Раб восстает, раб бунтует. «До своего восстания он страдал от всевозможного гнета. Нередко бывало так, что он безропотно выполнял распоряжения куда более возмутительные, чем, то последнее, которое вызвало бунт. Вытесняя в глубь сознания бунтарские устремления, раб молча терпел, живя скорее своими повседневными заботами, чем осознанием своих прав. Потеряв терпение, он теперь нетерпеливо начинает отвергать всё, с чем мирился раньше»⁸.

Отдельной формой экзистирования могут выступать иллюзорные способы преодоления неподлинного существования, в частности, наркотики и алкоголь.

Формой экзистирования можно назвать также бегство от неподлинной жизни в никуда. Человеку порой настолько тошно от неподлинной жизни, что он, ничего не понимая, срывается с места и уходит, не зная куда, но только чтобы не жить здесь и так. Экзистирующий человек часто действует неосознанно, в какой-то

момент жизни вся его душа испытывает острое желание перейти границы своей неподлинности. При этом человек не думает о последствиях своих действий, главное — уйти от надоевшей до тошноты прежней жизни.

Итак, экзистирование представляет собой методы и способы преодоления человеком неподлинного бытия, осуществляемые на чувственном уровне человеческой активности. Основными формами экзистирования выступают: уход в мечту-проект; опора человека на подлинные моменты и ситуации, содержащиеся в неподлинном бытии; нахождение человека в экстремальных ситуациях; бунт; иллюзорно-наркотические; бегство в никуда и другие.

Относительно российской ментальности можно видеть расщепление экзистенции на правду и кривду⁹. Степень ответственности и бездны, то есть неподлинного бытия осознается, но что дальше? Возможно, сегодня это мир клонов, жизнь Das Man, человек и не человек, а Duxless? «Я оказываюсь в центральном зале и примыкаю к группе мужиков в хороших костюмах, которые пьют дорогой алкоголь, некоторые курят сигары и делают вид, что говорят «за бизнес»... На стене напротив нас висит большое зеркало, в котором отражается наша группа. Я смотрю на него и думаю о том, что если бы мы все разом повернулись к нему спиной, то я бы не нашел среди этих пяти мужиков себя. Настолько мы все одинаковые. В костюмах в полоску, с бокалами в руках. У нас даже жесты одни и те же. Единственное, что могло бы различить нас в таком ракурсе, — это рост. Хотя и по росту мы приблизительно равны... Хотя на самом деле это отдает каким-то миром клонов»¹⁰.

Смысл экзистенции в том, что, находясь в ней, человек чувствует танатальность своего существования и стремится вырваться из него. Экзистирующие люди кричат, обращаясь к человечеству, что оно погибнет, если будет по-прежнему опираться на ложные ценности.

Трансцендирование, в отличие от экзистирования, указывает направление, более того, трансцендирующий человек уже знает новое, истинное бытие и направляется к нему. Трансцендирующий человек находится в состоянии транса. Транс — иное состояние, чем то, в котором мы обычно находимся.

Если человек, находящийся в экстазе, кричит, то находящийся в трансе — блаженствует. Экзистирующий человек, находящийся в экстазе, кричит о том, что он томится в неподлинном бытии. Трансцендирующий человек, находящийся в трансе, блаженствует, ибо он достиг того истинного, настоящего бытия, о котором он мечтал, и зовет людей следовать за ним.

В российской традиции главной основой подлинного бытия являлась Правда. Россию часто называли страной правдоискателей. В контексте наших рассуждений определим, что мир правды и есть подлинное бытие. Изначальный смысл понятия «правда» предполагал наличие некоей силы, превосходства (духовного или материального) у того, кто ею обладал. Безусловно, что христианские взгляды достаточно сильно повлияли на становление данной основы подлинного бытия. Именно оттуда проистекает традиция, где Правда связана с идеей личных отношений Бога и людей, которые реализуются через систему определенных действий. Бог действует праведно, являя свое милосердие людям, а люди праведны, выполняя Божественные заповеди¹¹. Именно это приводит к пониманию Правды как некоего нравственного закона, а не правовой нормы, как в более раннем периоде истории. Такие смыслы приводят к идее, что наполненность правды не может быть только духовной, нравственной, но и предполагает некое деятельное начало, которое должно ее проявить или выстроить, и здесь мы становимся перед проблемой справедливости делания в отношении к кому-либо или чему-либо. Православная традиция разводит понятия «Правда Божья» и «Божественная правда», что позволяет определить Правду Божию как правду внутреннюю, субъективную, а Божественную правду — как абсолютную.

Философы периодически обращаются к проблемам правды и истины¹².

Актуальной, в связи с приведенными представлениями, является проблема онтологического понимания истины как правды, несущей ценности.

Но люди, утратившие Правду, могут ее вернуть. Основываясь на православной парадигме, где правда рассматривается как некое откровение, которое дается избранным, предполагается, что будущие носители правды должны обладать характерными особенностями. На основании религиозных источников выявляются условия формирования такого типа: праведность; отверженность духовной жизни, а не плотской; часто это человек, совершающий подвиги, которые могут быть различны: мучения за веру (т.е. идею), презрения окружающих и стойкость в своих позициях и т.п. Надо также отметить и то, что смертным, т.е. земным, людям неведомо кто является истинным правдоискателем. Проблема заключается в том, чтобы отличить правдоискателя и лже-правдоискателя.

Следующим важным моментом при определении феномена правдоискательства является осознание личностью или группой людей несоответствия реальной действительности представлениям о том, что есть правда.

Таким образом, третьим компонентом правдоискательства является наличие идеала, который необходимо приблизить. В христианской традиции сложились два таких образа. Либо это хилиастический и трансцендентно-спиритуалистический образы, тесно связанные с представлениями о 1000-летнем царстве Божьем на земле или о небесном граде; либо этот идеал имеет земные основания, но также рассматривается через призму отношений Бога и людей.

В народном осмыслении святые рассматривались как подвижники Правды. Святым надлежало судить «правду» и «кривду», что требовало от них разрыва с превратным миром насилия, эксплуатации, всяческой «неправды». Отсюда отшельничество, «пустынничество»¹³. Там, где царит Правда, труд вознаграждается, население свободно, миролюбиво, лишено пороков и т.п. С культом святых связан культ «блаженных и юродивых», исследователи не берутся судить лицедействовали ли они¹⁴. Говоря о том, что юродивые являлись самыми последними в списках святых, различают в них две стороны — «аскетическое самоуничижение» (пассивная сторона) и «ругание миру» (активная сторона), то есть обличение пороков мира. Пассивная сторона связана с умерщвлением плоти, при этом особенностью юродивого является нагота. Юродивые как раз и несли эту «нагольную правду».

Следует обратить внимание на то, что юродивые могли как до, так и после подвига юродства обретать монашеский чин. Это указывает на сопоставимость монашеского подвига и юродства. Юродство и самозванство как формы правдоискательства располагаются на границе между святостью и старчеством, с одной стороны, и светскими формами правдоискательства, с другой.

Особо стоит рассмотреть в правдоискательстве образ самозванцев, коих на Руси было немало. Г.Л. Тульчинский обозначает первые симптомы самозванства: самозванец хочет, чтобы его любили, чтобы его хотели любить, тогда как сам он любит абстракцию, а не конкретных людей, любит отвечать за других помимо их воли, но от их имени, использует других «во имя» и т.д. Для нашей проблемы интересно что автор различает самозванство и святость. «Святой стыдится любой чести в свой адрес... Святой не знает чести, он сокрыт для нее, сокровенен, бежит ее»¹⁵. Можно по-разному относиться к этому, но, на наш взгляд, главное в том, что типы самозванца и святого противоположены, если отсутствует мистически полученное предназначение. Рассмотрение самозванства в качестве разновидности правдоискательства возможно только тогда, когда самозванец, получивший откровение сверху, приобретает новую самость и полностью включается в нее. В этом случае реальность выдуманного мира и образа превраща-

ется в реальность явную, личность вживается в образ настолько, что не разделяет самость и образ-личину, но тогда пропадает и момент самозванчества. Человек себя ощущает реальной личностью, чей облик он принимает, но тогда он принимает на себя и всю скорбь мира сего и разделяет жестокую судьбу, даже если приходится идти на смерть, и идет до конца, становясь порой мучеником (Лжедмитрий I, княжна Тараканова). Если в первом случае мы имеем дело с явно выраженной формой неподлинного бытия, то второй — явное проявление правдоискательства и наличие идеала Правды.

Поиск Правды соотносим с формами экзистирования, но если святые, юродивые — опоры человека на подлинные моменты и ситуации, содержащиеся в неподлинном бытии, то нигилизм — бунт, утопии — мечта-проект и т.п.

Так, историческим преемником нигилизма XIX века в веке XX становится такая форма духовной оппозиции, как диссидентство. Появление такой формы «интеллектуального, духовного и нравственного сопротивления»¹⁶ связано с тем, что люди, выросшие в советском обществе, пришли в противоречие с идеологией и психологией отцов. Происходило сопротивление унификации мысли и ее омертвление в советском обществе, а единственный выход из подобного положения дел виделся как обретение независимости мысли, отказ от пассивного принятия действительности и переход к самостоятельному осмыслению ее.

«Неучастие во лжи» — такова была позиция А. Солженицына, изложенная им в обращении к интеллигенции, молодежи, ко всем соотечественникам в феврале 1974 г.

Таким образом, для традиционной русской культуры и в XX веке наличествует правдоискательство, которое можно определять как попытку экзистирующего человека указать на бытие неподлинное, понимание конструктивности утопии позволяет рассматривать феномен правдоискательства как вариант культурной утопии. Феномен правдоискательства, представленный носителями знания о правде, вырабатывает стратегии реакций на существующую реальность, которые провозглашают либо смирение, либо компромиссы, либо уход от реальности. Уход этот может осуществляться как поиск такого пространства, где существующая реальность не имеет силы (старообрядцы, которые уходили в леса и недоступные для царской власти местности). Либо крайний вариант — смерть как избавление от проблем существующей реальности и обретение божественного царства (коллективное самосожжение).

Поскольку феномен правдоискательства проявляется через субъект в его конкретных действиях и идеях, то наблюдается именно процесс многократного усиления одних неудачных, не-

завершенных либо ошибочных исполнений на фоне других. Сталкиваясь с несправедливостью мира реального, того в котором находится субъект, он находит способы, которые позволяют ему сохранить свои основные ценностные ориентиры: через систему терпения, подвижничества, существовать в этом мире или уйти из него (физически либо через изоляцию). Выбор специфических способов субъектом будет зависеть от признания им либо Бога, либо Абсолюта, ответственного за Высшую справедливость.

Но в современном российском обществе Бог теряет свое глубинное назначение как инициатор и носитель Божественной Правды, указывающей на Правду мира, соотносимую с Высшими предназначениями человека. Человечество остановилось в эпохе пророков. Место Бога занимают технологии, обещающие обеспечить «иметь», но при этом всегда декларирующие в будущем «быть»: инсайт, технологии продаж, визуализация желаний и пр. Но мир подлинного бытия все же ускользает. В хорошо поставленной технологии «иметь», из цепи которой трудно, да и не всегда хочется выходить, ведь всегда можно переложить ответственность на технологов. «Иметь» есть результат иллюзорной свободы, в которой достигнутое вновь обостряет поиск подлинного бытия. «Я мысленно перебираю варианты и понимаю, что объективно нет такого места и таких людей, с которыми я бы хотел сейчас увидеться. Потому что сценарий всех возможных встреч с моими знакомыми в любых точках земного шара известен мне с точностью до ста процентов. Более того, все эти сценарии так или иначе уже воплощались в жизнь (некоторые не по одному разу), и никакой новизны они мне не принесут. Никакого душевного успокоения я не получу. Все места и все люди, коих я могу вообразить, мне неинтересны, как и я им, впрочем»¹⁷.

Крик экзистирующего человека — глас вопиющего в пустыне, стремление к свободе, в конечном результате дает лишь «иметь», в то время как «быть» достигается процессом поиска Правды, который и есть подлинное бытие — трансцендирование.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда // Классики зарубежной психологии. — М.: АСТ, 2000. — 448 с.

2. Пивоваров Д.В. Иррациональное, сверхъестественное и предмет философского атеизма // Отношение человека к иррациональному. — Свердловск, 1989. — С. 17.

3. Ефимова С.В., Денисов С.Ф. Антропологические основания библейских исторических эпох — М.: Наука, 2007. — 190 с.

4. Разумов В.И. Философия инновационного развития университета // Университеты России и их вклад в образовательное и научное развитие регионов страны: сб. науч. тр. — Омск: ОмГУ, 2010. — С. 15

5. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Тошнота: Избр. произведения. – М., 1994. – С. 437.
6. Там же. – С. 438.
7. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство – М., 1990. – С. 24.
8. Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство – М., 1990. – С. 128.
9. Смирнов С.А. Опыты по философской антропологии // Философские науки. 1998. № 3 – 4.
10. Минаев С. Духless: Повесть о ненастоящем человеке – М.: АСТ; Транзиткнига, 2006. – С. 118 – 119.
11. Знаков В.В. Психология понимания правды. – СПб., 1999.
12. Зубец В.М. Два типа ценностных изменений // Философские науки. 2000. № 4; Смирнов С.А. Опыты по философской антропологии // Философские науки. – 1998. – № 3 – 4; Хазиев В.С. Философское понимание истины // Философские науки. – 1991. – № 9; Хевеши М.А. Нигилизм, его роль и влияние в XX веке // Философские науки. – 1998. – № 1. и др.
13. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – С. 74.
14. Клибанов А.И. Юродство как феномен русской средневековой культуры // Диспут. – 1992. – № 1.
15. Тульчинский Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. – СПб.: РХГИ, 1996. – С. 47 – 48.
16. Зубкова Е.Ю. От 60-х к 70-м: власть, общество, человек // История Отечества: люди, идеи, решения. – М., 1991. – С. 350.
17. Минаев С. Духless: Повесть о ненастоящем человеке – М.: АСТ; Транзиткнига, 2006. – С. 343.

Аннотация

Современное общество – это общество технологий не только в производстве, экономике, но и в сфере человеческих отношений. Однако современные дескриптивные технологии, которые на первый взгляд, должны бы разрешить проблемные состояния и включить человека в подлинное бытие, по сути, ввергают его в состояние обладания не только вещным миром, но миром чувств, мысли и т.п., что в большей степени, чем раньше, в условиях нехватки времени, усугубляет духовные состояния человека. В статье показаны возможные поиски подлинного мира.

Ключевые слова: витальность, танатальность, экзистенция, экзистирующий человек, Правда, правдоискательство, трансцендирование.

Summary

The modern society is a society of technology, not only in manufacturing and economy, but also in human relations. However, modern descriptive techniques that at first glance should allow the problematic status and enable people to authentic being, in fact plunge them into the state of possession not only of things, but feelings, thoughts, etc., which to a greater extent than before, in shortage of time, aggravate the spiritual condition of people. The article shows the possible ways to find the genuine world.

Keywords: vitality, tonality, existence, existing person, truth, truth searching, transcendence.